

Игры, в которые играют люди

Надежда Васильевна Казаринова - доцент кафедры социологии и политологии. Закончила философский факультет ЛГУ. В ЛЭТИ работает с 1979 года. 20 с лишним лет живет на Петроградской стороне. Студенты рассказывают о ней с горящими глазами, а заслужить их любовь - дело для преподавателя непростое. В общении она легка, и мгновенно создается ощущение, что мы давно знакомы. Наверное, ничего удивительного в этом нет, ведь именно общению она и учит.

— Предметы, которые вы читаете, меняются под воздействием времени?

— Менялась кафедра, и менялись программы. Я пришла работать на кафедру философии: после защиты диссертации меня попросили ее оставить, поскольку мой муж тоже оказался на этой кафедре. Вместе работать было нельзя. И я перешла на кафедру научного коммунизма. Мне предложили читать на подготовительном отделении то, что называлось обществоведением. То есть это была философия, политическая экономия, история...

В 93-м году открылась новая специальность - "Связи с общественностью", и у меня появилась возможность подготовить курс "Межличностное общение", читать социологию, социальную психологию. Через два года ввели курс социальной антропологии, который тоже лежал в русле моих интересов.

— Что такое социальная антропология?

— Это способы организации культуры — не этнической, а культуры, как набора правил поведения, определенных языковых, идеологических средств. Культурная антропология - это формирование человека в культурном контексте. То есть человек развивается не как физическое тело, а как социальное.

— А межличностное общение вы какими-то примерами иллюстрируете?

— Я бы сказала, жертвами становятся все те, с кем я работаю, и я сама. Не примеры, а ситуации, которые можно разбирать, они всегда есть под рукой. Как только на семинаре возникают какие-то контакты, причем контакты более напряженные или менее напряженные, тут же можно их сделать предметом анализа. То есть, если возникла конфликтная ситуация между студентами, и у нас семинар по восприятию, или по речевым практикам, или по застенчивости, или ревности и зависти, можно сказать: "стоп-кадр" и попросить разрешения у студентов: "Разберем?".

— Студенты соглашаются?

— Чаще соглашаются. Хотя были случаи, когда они очень болезненно это переживали. В таких случаях приходится тут же защищать их. Успокоить, переключить.

— Так вы еще и актриса, должно быть?

— А что делать? Я не актриса, я вынуждена быть ею.

— Какие проблемы больше всего студентов мучают, кроме общения?

— Разные возрасты мучаются по-разному. Первый курс больше даже не общением озабочен, а собственным представлением и предъявлением себя и отношением к себе, а не отношениями с другими. Им важно себя подать, понять, пережить, оценить: там "Я" является центральной темой. И поэтому все разговоры об общении они тут же переориентируют на себя - "А как же я?", "Что же со мной...", и очень часто сам предмет - "Коммуникация" - оказывается вторичным, и ничего с этим не поделаешь. Студенты постарше - курс третий, - тут уже романтические отношения становятся главной темой.

— А взрослых людей какие проблемы волнуют?

— Напряженные отношения. Способы их разрешения и управления ими. Непонимание. То есть такое драматическое понимание того, что мы никогда друг друга не сможем понять так, как нам этого хочется. На определенном этапе мы приходим к осознанию этого как неизбежности. Никогда я не достигну, даже с близкими людьми, не говоря уже о не очень близких, такого личностного понимания, которого бы хотел. И тогда приходит интерес к управлению пониманием, к конфликтным отношениям - таким как отвержение, непризнание.

— Вы считаете, возможно прийти к пониманию?

— Я считаю, что нет. Это как раз проблема неизбежная, с которой нелегко смириться там, в начале нашей жизни, когда есть иллюзии того, что все возможно, просто человек не тот попался.

— Человеку молодому, естественно, кажется, что он еще не умеет общаться с людьми. А чем становишься старше, мудрее, тем, кажется, проще с легкостью подхватить любую тему. С точки зрения науки объясняется невозможность найти полное понимание?

— Разумеется, объяснения есть. Если мы исходно признаем, что мы автономны, то есть наш опыт не совпадает и по определению не может совпасть, если мы признаем, что жизненный сценарий даже у людей, проживших, выросших в одной семье, все равно не совпадает, то тогда эта автономия проявляется в том, что мы никогда не сможем полностью разделить установки, взгляды на жизнь, опыт другого человека.

— А вы разделяете концепции американского психотерапевта Эрика Берна, изложенные в книге "Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры"? Мы действительно играем?

— Вы помните, Берн выделяет несколько видов взаимодействий, игры - только один из них, и игры у него интерпретируются как способ удовлетворения потребности в ситуации, когда невозможно прямо о них сообщить. К примеру, я не могу прямо сказать: хочу, чтобы меня любили. По разным

причинам. Я могу этого не осознавать, могу бояться, что на прямой запрос мне скажут: "Ничего нельзя поделать". Если я не могу прямо эту потребность выразить, то начинаю прибегать к каким-то способам, приемам, поведению, которые должны привести к тому, чтобы эта потребность была удовлетворена. Победа в игре. Можно предположить, что таких ситуаций любой нормальной

человек встретит в своей жизни немало. И тогда, если быть единомышленником Берна, — чтобы нас любили, принимали, не отвергали, считались с нами, — мы начинаем обращаться к такого рода приемам. И тогда можно сказать, что да, мы играем с людьми. И делаем это скорее всего бессознательно.

— Чего никогда нельзя делать?

— На этот вопрос невозможно ответить, потому что он категорично сформулирован. Нельзя сказать, чего никогда нельзя делать, но можно определить, что именно делая, ты разрушаешь коммуникацию. Например, если последовательно и откровенно игнорируешь другого человека. Игнорировать его можно по-разному. Совершенно не реагировать на его вопросы. Дискредитировать личность и разговор вопросами: "А какая разница?", "Кому это нужно?". Можно на неречевом уровне демонстрировать отвержение партнера. Даже отвечая на вопрос, можно своим видом показать партнеру, что его игнорируют. Если это происходит в момент контакта, то результатом будет либо неприязнь, либо более сильные эмоции, от раздражения до ненависти, и, скорее всего, нежелание возобновлять или поддерживать эти контакты.

— А что можно делать, чтоб был максимальный комфортный контакт с человеком?

— Все зависит от характера и перспективы отношений. Надо понимать, что если в отношениях с человеком есть прошлое, нужно нести ответственность за это прошлое, если должно быть будущее,

нужно вести себя так, чтобы это будущее состоялось. Даже если мой друг меня обидит, но я знаю, что у нас есть будущее, я совершенно иначе буду реагировать на эту обиду для сохранения того, что можно назвать межличностными отношениями.

— Когда вы были маленькой-маленькой девочкой, кем вы хотели стать?

— Осознанно профессиональное желание возникло у меня не тогда, когда я была маленькой, а уже в девятом классе. Это желание было связано с детскими эмоциями. К нам приехали выпускники, поступившие в Ленинградский университет, и рассказывали с энтузиазмом об открытии на философском факультете новой специальности - "Социология". Мальчик, рассказывавший об этом, вызвал у меня некое чувство, мальчик нравился, и я решила, что хочу быть социологом. Это была весна новой российской науки, наши первые социологи пошли в организации, начали изучать психологический климат, отношения между руководителями и сотрудниками. Потом настала холодная зима, когда все заморозили и закрыли, социология превратилась в научный коммунизм.

— Но, слава Богу, все вернулось на круги своя, и вы занимаетесь делом, которое нравится, - помогаете людям найти общий язык. Вы, кстати, быстро включаетесь в их проблемы?

— А иначе не помочь. Ведь если остаться отстраненным, то у человека сразу возникает ощущение, что его делают предметом наблюдения, манипуляции, его использовали, и тут же появляются страх и защита. Очень опасная ситуация, ее нельзя допустить.

— Когда вам плохо, вы у кого помощи просите? Сами справляетесь, или есть плечо, в которое можно поплакать?

— Использую три варианта. Это может быть помощь мамы, может - подруги, может - мужа. Бывают ситуации, когда ни один не в состоянии помочь. Чаще всего это когда плохо им. Один раз к Богу обратилась. Когда серьезно болел муж и исход мог быть всякий, тогда кто-то мне сказал, что вот эта энергетика может захватить и близко, - не использование церкви, а прямое обращение - "Помоги!". Это был единственный случай как вариант отчаяния.

— Вы с мужем друзья, единомышленники?

— На уровне интеллектуально-мыслительном - да. Муж - любитель пространственных прогулок. Мы много ездим, путешествуем - поездом, паромом, самолетом, велосипедом, пешком. Мы единомышленники в главном - в отношении к жизни, в каких-то этических вещах. А с точки зрения эмоциональной мы очень разные люди. Он, скорее, интроверт, я экстраверт.

— Каковы ваши литературные пристрастия?

— Любимые детективы в нашем доме — Гарднера, Стаута, Фрэнсиса. Стаут коммуникативен, Фрэнсис социально психологичен, Гарднер логичен и аналитичен. А вообще должна признаться, что нередко меня заставляют студенты прочитать что-то. Так, чтобы можно было обсудить. Из последнего их давления на меня был "Парфюмер" Зюскинда. Студенты пожелали писать курсовую работу по этому произведению.

— И как этот роман соотносится с вашей наукой?

— Идея была такая - как запахи влияют на человеческие отношения. Студенты просто прочертили, опираясь на авторские описания оценок главного героя, какова может быть близость отношений в связи с тем или иным запахом, от отвратительного до божественного.

— Студенты к вам часто за помощью обращаются?

— Достаточно часто. Причем за помощью, не связанной с образованием, а касающейся их личных проблем. Суть обращений - помогите мне. Тут есть трудность некоторая. Дело в том, что нельзя путать две профессии - терапевта и преподавателя. И поэтому мне приходится по этому лезвию проходить. Возникают очень сложные отношения с разными людьми - родителями, одноклассниками, друзьями. Основная проблема, с которой они сталкиваются, - проблема отвержения, унижения достоинства, игнорирования желаний, ценностей, давления. Это настолько их сейчас беспокоит, что даже проявляется в выборе темы курсовых работ.

— У вас есть какая-то заповедь жизненная?

— Помни о последствиях.

Наталья Кузнецова